Геннадий Болтунов
Время пресыщения
Религиозная лирика

Геннадий Болтунов

Время пресыщения. Религиозная лирика

«Издательские решения»

Болтунов Г.

Время пресыщения. Религиозная лирика / Г. Болтунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905486-9

Автор книги за период трудовой деятельности побывал во многих городах России и практически во всех районах Орловской области. В настоящее время продолжает трудовую деятельность. Стихи настоящей книги отличает социальная направленность, в то же время они настраивают на мажорный и философский лад.

ISBN 978-5-44-905486-9

© Болтунов Г.
© Издательские решения

Содержание

I. Плача и смеясь 7
Агасфер 8
Про привычку 9
Нужен был друг 10
Торопкое время 11
Тайна крещения 12
Плача и смеясь 13
Несу свой крест 14
Круги вечные 15
Душа не глупая, поймёт 16
Чтиво 17
Обрывок сна 18
И только шпалам… 19
Праматерь 20
За оградой 21
В этой вселенной 22
Не только про зубы 23
А что взамен? 24
Выбиваемся 25
Что только не было 26
Вера в чудо 27
II. Скрипичная 28
Не было печали 29
Три сестрицы 30
Не баталист 31
Вновь про одуванчики 32
Скрипичная пародия 33
Всё вновь 34
Накануне забытья 35
А совершенства нет 37
Что-то тлело 38
Брода нет 39
Всем, кто выжил 40
В необъятные дни осенние 41
Ещё живой 42
Голгофа 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Время пресыщения
Религиозная лирика

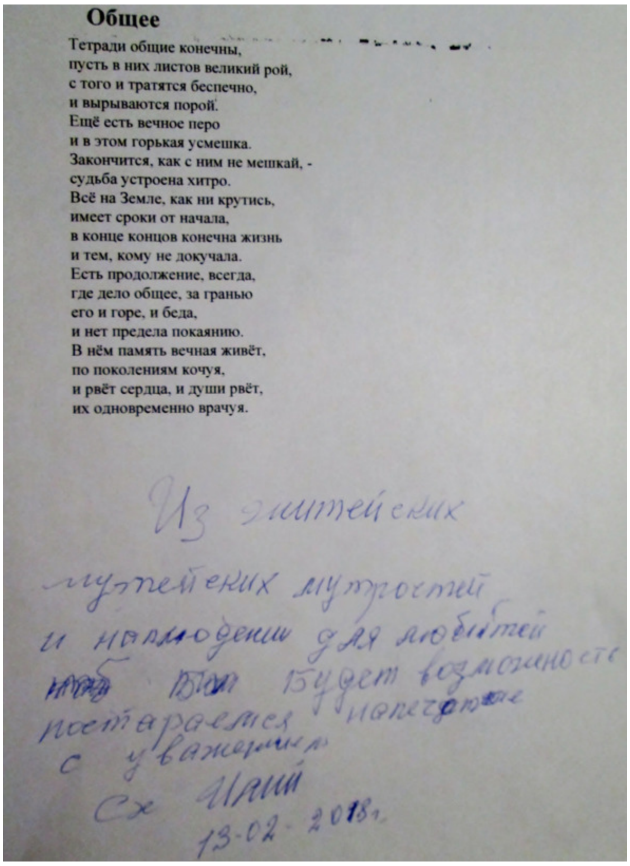
Геннадий Болтунов

Фотограф Геннадий Владимирович Болтунов

© Геннадий Болтунов, 2018
© Геннадий Владимирович Болтунов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-5486-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Геннадий Болтунов родился в селе Оредеж Ленинградской области. Вырос в Орле. Занимается переподготовкой руководителей и специалистов в сфере экологической безопасности. Член Российского союза писателей. Имеет книжку стихов «Слепящая мгла», вышедшую в 1997 году, и созданные в интеллектуальной издательской системе Ridero книжки: «А это забавно – к себе присмотреться», «В детство можно возвратиться», «Ищешь одно, а находишь другое», А также стихи для детей «Догонялки в небесах».



Общее

Тетради общие конечны,
пусть в них листов великий рой,
с того и тратятся беспечно,
и вырываются порой.
Ещё есть вечное перо
и в этом горькая усмешка.
Закончится, как с ним не мешкай, -
судьба устроена хитро.
Всё на Земле, как ни крутись,
имеет сроки от начала,
в конце концов конечна жизнь
и тем, кому не докучала.
Есть продолжение, всегда,
где дело общее, за гранью
его и горе, и беда,
и нет предела покаянию.
В нём память вечная живёт,
по поколениям кочуя,
и рвёт сердца, и души рвёт,
их одновременно врачуя.

Из житейских
житейских мудростей
и наблюдений для любителей
Будет возможность
постараемся напечатать
с уважением
Сх. Илий
13-02-2018г.

I. Плача и смеясь

Агасфер

Он каждые сто лет себя моложе
и в памяти хранит одно и то же, —
что было с ним столетия назад.
А там таится ад, бессмертья ад.

Про привычку

Переходит легко в привычку
многократное повторение.
Может инок, зажегший спичку,
пребывает в икон озарении,
когда спичек в запасе много?
Я не знаю.
Спроси у Бога.

Нужен был друг

Для науки Христа страдания
тема вечная, тема давняя.
Потому и умы в распыл:
а реален ли облик был?

На себя суть страданий примеривая,
как примеривают пальто,
вновь выносят вердикт, не верим, мол:
мук не выдержать ни за что.

Были б правы, когда бы муки
претерпел боже ради науки,
а не ради спасения всех,
в том числе, в ком животен смех.

Ведь в былинах словечко «живот»,
не в том смысле у нас живёт.

Верь, ни верь, до Христа явления
доля грешных людей – страдать,
только не было Воскресения
и не знали, что можно ждать.
Всё же истину подытожим,
пусть не так уж она и проста.
Безупречный Господь наш, боже
был всегда, то есть прежде Христа.

Только, чтобы творилось чудо,
и чтоб подвигом стало – страдать,
нужен был друг Христу – Иуда,
ну, допустим, как тёще зять…

Торопкое время

Может быть, время настало торопкое,
или в раю не хватает Мессий —
уходят друзья, словно по лесу, тропками,
чаще не в чащи, в небесную синь.
Я их зову. Они перекликаются
между собою, не слыша меня.
Только их строками небо сверкает всё,
будто зарницами в стылости дня.

Тайна крещения

Пусть не в глухом,
но всё-таки селе,
крещён был я, тайком,
чтобы не знали,
родители и партии райком,
когда в купель младенца окунали.

Поп слово дал – не выдавать секрета, —
родителям партийным ни к чему
знать то, что осенён был
Божьим светом
их первенец и благостно ему.
Бабуля, чтобы тайну уберечь,
и крестик, и бумагу о крещении
упрятала подальше с глаз, под печь,
и Богу помолилась о прощении…

И только много-много лет спустя
бабуля тайну дочери открыла,
мой медный крестик тихо отдарила,
сказав, повесь сей крестик на дитя.

Тогда и мама всё мне рассказала:
А крестик где? Вот крестик – потеряла.
Куда, не знала, мог запропаститься. —
Всю жизнь боялась, что ей не простится.

Потом нашла и – потеряла снова.
Но у меня уже был крестик,
новый…

Плача и смеясь

В церквах есть места святым.
У мирян – их нет.
От вождей остался дым,
как от сигарет.
След остался, от сапог,
что месили грязь.
Свысока взирает Бог,
плача и смеясь.

Несу свой крест

Несу свой крест, надеясь на спасенье.
Казалось, – финиш близок, но опять
петля в дороге: детям надо денег,
а я не вижу, у кого их взять.

Казалось бы, уже есть много внуков,
но сын ушёл от любящей жены,
у дочери диплом есть за науку,
да спроса нет, на умных, у страны.

Жена достигла пенсии, при этом
лишилась места тёплого и вот
бранит меня, пытаясь сжить со свету:
не можешь деньги делать, идиот!

Нет, я не поддаюсь хандре осенней,
несу свой крест. Надеюсь на спасенье.

Круги вечные

Возвращение на круги,
круги вечные своя,
через лес, поля, да вьюги
по границам бытия.
Мимо женщины манящей,
мимо… Взгляд не потерять.
Еду к маме, повторять
весело и леденяще.
Повторять, не ждать прощенья
за скитания свои.
На орбитах возвращенья
слишком плотные слои.
Возвращаемся, сгорая,
излучая звёздный свет.
Сами, в сущности, не зная,
долго ли ещё до края,
или края вовсе нет.

Душа не глупая, поймёт

Когда душа покинет тело, —
она найдёт куда вселиться:
в котёнка ли, в кусочек мела,
в растение, в сороку-птицу…

И в то, чего при жизни гложет,
душа вселиться тоже может.

Ты шёл по жизни? – Был прохожим.
Не шёлков путь был (предположим),
хотя хотелось, чтобы мёд…
Душа не глупая, поймёт.
Дорогой станет, будет виться,
не зная, где остановиться,
продлится без конца и края.
Вдаль, к горизонту, убегая…

Чтиво

Читать нам жизнь приходится с листа.
Своих страниц перелопатил груду:
полно длиннот, есть общие места,
но всюду свет, точнее – тьма не всюду.

Обрывок сна

Мостик от вокзала через ров,
я во рву и мой велосипед.
Я реву, а люди без голов
тянутся на красный лунный свет.
Светофоров в том краю не счесть,
то есть, нет их вовсе. Это есть.

Я реву, размазывая грязь,
чтобы вновь наладить с детством связь,
не имея связи никакой
с местом, что за вечною рекой.

И только шпалам…

Преобразился белый свет,
ему вернули первозданность,
где не чеканили монет
и впрок не собирали данных.

Где нет ни поездов, ни рельс,
однако шпалам в тучах тесно,
когда задуман первый рейс
на шарик наш из сфер небесных,
из райских кущ, и путь назад
проложен, сквозь житейский ад.

А рядом теплилась отрада
преодоления распада,
когда на этот белый свет
сойдёт иной, какого нет.

Праматерь

Она жила во все тысячелетия.
Но после пошатнувшихся небес
ослепла, видя, как родные дети
пошли вразнос, кто по дрова, кто в лес.

Кровиночки ведь, а вели скотинно,
забыли словно: каждый – человек…
Брат брата метил ножичком по спинам
и бельмами сверкали из-под век.

За оградой

За церковною оградой
жгут костёр. – Так богу надо.
Пусть возносится над ним
поднебесный сирый дым.

Сирый дым, отнюдь не серый,
как его не пожалеть,
если весь пропитан верой,
позолоченной на треть.

В этой вселенной

В этой Вселенной вновь выхода нет,
но есть переход в иную,
где корридорит, тоннелится свет,
где, проездной проверяя билет,
пакуют и штемпелюют.
Предощущая, что мне предстоит,
и вероятно скоро,
прячу гордыню, обиды и стыд
от кредиторов.
И начинаю вживаться в роль
с названием – бандероль.

Не только про зубы

При зубках незалеченных
не лезет в рот еда,
но рвать их опрометчиво
не надо, господа.

Казалось бы чего мельчить,
когда с уколом нет проблем.
Но, ты не пробовал лечить?
А ты не спрашивал – зачем?

И для моей родной страны
есть у других давно мечта,
больны ли зубы, ни больны,
изъять скорее изо рта.

Но в обществе замечено,
а наш народ, он лих:
жевать-то на залеченных
вкусней, чем на вставных.

С империи развалом,
дурея от свобод,
мы дали коновалам
залезть щипцами в рот.

От их уколов новых
сидели, будто в дым,
проспали зуб здоровый,
зуб мудрости, зуб – Крым.
Прошла анестезия,
глядь, мы в стране иной,
но звать её – Россия!
Зачем ей зуб вставной?

До Крыма присмотрелись,
а корень-то здоров.
Назад вживили, прелесть,
без пришлых докторов.

Теперь мы снова можем
зубами поблестеть.
Кого и что там гложет
не наше дело ведь.

А что взамен?

Ёлки зелёные да голубые,
и чередуются через одну.
Кто и не помню, душу всю выел,
переменив проживанья страну,
не прибегая к переселению,
только чужой затащив капитал,
для воспитания нью-поколения,
гибнуть готового за драгметалл.

Перепоясались разными грантами —
вот и достигли «благих» перемен.
Часть населения став эмигрантами
с места не сдвинулась, сданная в плен
бывшим республикам
бывшей империи.
Поздно вослед голосить про потери нам.

Да и понять нельзя, кто хороводит. —
В храмы вторгаются, стены возводят…
Всё для того, чтобы крови возжаждали
их драгоценные сердцу «не граждане».

Выбиваемся

Всю жизнь мы выбиваемся,
да нет же не из быта,
поскольку забывается
банальное, избитое.

Мы в люди выбиваемся,
клубищами пыля,
теряем ритм, сбиваемся
и вновь – с нуля.

Нули стучат колёсами:
спеши, спеши, спеши,
не мучайся вопросами
встревоженной души.

При муках цель расплывчата,
врагов, и тех простил,
года летят за вычетом,
в шагреневый настил.

Что только не было

Что только не было со мной,
с кем только не был,
порой и жизнью жил иной,
питаясь хлебом,
которым оделил Христос,
явившись бос,
одет в сияние лучей.
Он вопросил меня: ты чей?

Тогда не дал я, Боже мой,
ему ответа.
Чей я, когда не ты со мной? —
Земли ли, ветра?

Да и с тобой я не был твой, а так,
в блокнотик записной
однажды вписан,
чуть различимой тишиной.
Медяк,
оброненный в пивной,
надёжней слышен.

Вера в чудо

Возможно, что его и не было. —
Да нет, кто верит в чудо, – было.
Так с радугой. Пришла в полнеба
и полпланеты осенила.
Обман оптический, не более? —
Вот так всю жизнь тобою болен я.

II. Скрипичная пародия

Не было печали

Печаль качали черти из пруда
для тех, кому могла светить звезда,
но не светила, что ничуть не странно, —
печаль всегда полна, полна тумана.

Вздыхали ангелочки вдалеке,
держа веночки, как перо в руке,
не знавшее до этого бумаги
и, потому, исполнены отваги.

Три сестрицы

Зависть, ненависть и злоба
мне вослед смотрели в оба. —
Но была моя спина,
неприступна, как стена.

Ненависть за мной с мошной? —
До чего ж народ смешной.
Кто шагает прямиком,
разве с завистью знаком?

А на встречных, если лица,
вообще не стоит злиться,
особливо молодёжь. —
Улыбаясь им идёшь.

И они, в ответ, с улыбкой,
что сестриц вгоняет в дрожь
Врут, насчёт улыбки липкой, —
ей цена-то ровно грош.
Да и то в денёк базарный,
когда с виду лучезарна.

Не баталист

Не замышлял картин объёмных,
поскольку баталистом не был,
полу-фигуры мыслей скромных
лишь прорисовывал, до неба.
Они зарницами сверкали,
поскольку были озорными.
И продолжалось так веками,
и продолжается доныне.

Вновь про одуванчики

Пух летит слегка наверченный,
словно ждёт веретена.
Прячется с утра до вечера
неба полная луна
одуванчиком просвеченным,
на свету не различишь.
По ночам лучами млечными
подметает блики с крыш.
А в подлунном мире этом
те же пуха облака,
преисполненные светом,
что пришёл издалека.
Крыши бликами ликуют
видя эту благодать.
Жизнь, красивую такую,
не взлетев, не увидать.

Скрипичная пародия

Однажды я на скрипочке
играл, пусть понарошку,
а зал от смеха всхлипывал
и слёзы лил в ладошку.
Потом слезою сладкой
зал вымазал девчонок,
которых мы, украдкой,
достали до печёнок,
копируя манеры
игры их виртуозной.
На сцене, скрипкой первой,
смотрелся я – стервозно.

Всё вновь

Меняюсь,
простираюсь
смысла мимо,
походкой мима, – с места ни на шаг.
От этого ли всё неуязвимо,
настолько, – даже звона нет в ушах.

Я всё ещё надеюсь, – будет вновь,
как только время вещее наступит,
явление, которое – любовь.
Душа найдёт, когда глаза потупит.
И всё-таки меняюсь. С кем, на что?
Вопросы остаются без ответа,
нелепые, как будто конь в пальто,
а может быть и заяц, без билета.

Да леший с ними. Я – неуязвим.
Все язвы мира не во мне, снаружи.
Не возражаю – гусь, но третий Рим
мне не спасти, и я ему не нужен.

Жизнь по спирали, кажется – всё вновь.
Крестись, дружок, чтоб мёдом не казалась,
соринкой чтобы сразу в глаз, не в бровь,
попутчицей была, а не вокзалом.

Накануне забытья

Сяду я себя забуду…
Геннадий Шпаликов

А ведь ты была права.
Захотелось мне покоя,
привыкаю забывать
сам себя и всё такое.

Вот уже, никак вчера,
позабыл, что ветер светел,
вспомнил вечер у костра
поутру, под скрипы ветел,
но полсотни лет спустя.
Стал, как малое дитя
сочинять, что годы были,
но успели полинять.
То, что вместе подзабыли,
тщетно порознь вспоминать.

В забытьи, а не из лени
стал вытягивать слова,
словно чурки из поленниц,
под названием дрова.

Несмотря, что быт суров,
я не помню облик дров,
кроме тех, что наломал.
Для чего – не понимал.
И теперь не понимаю,
когда время истекло.
Говорят, – грядёт зима и
надо людям дать тепло…

Жаль, хотя не для укора,
забывает голова
твои тёплые слова
посредине разговора,
а из глубины двора
начинает ухмыляться
расставания пора,
где секунды долго длятся,
доползают до минут
и секут, секут, секут
прежней памяти края
накануне забытья.

А совершенства нет

Явилась заполночь, украдкой
и тихой сапою зима,
рулон внесла из ваты сладкой
и расстелила на дома,
на переулки, огороды,
хватило даже на большак,
слюдою высветлила воды,
крахмаля обступивший мрак.

Но, миновав седой рассвет,
растаяла степенно вата
и в полдень стали торовато
ручьи сплавлять её в кювет.
Сплошной голяк, – заметил к ночи,
морозец, протирая очи,
и не припомнивши примет,
воскликнул: совершенства нет!
Но варежку не разевать
решил, чего б там ни случилось,
стал лужицы лакировать
и это, с блеском получилось!
Жаль, совершенства в мире нет…

Что-то тлело

Ночью небо грохнулось на крыши,
заискрила молниями тьма,
грохот был на всю округу слышен,
сразу воцарилась кутерьма.
Многие метались угорело
от окон до двери: Бог спаси.
В стороне востока что-то тлело,
продвигаясь в сторону Руси.

Брода нет

Брода нет
там, где не бродит
ни вино, ни пешеход,
но щемящий свет исходит
из непознанных ворот.
Там огонь неопалимый,
там сиянье медных труб…

реют души нам незримо,
только облачно из губ
и ознобно, отчего-то,
где туннельный переход,
в миг ухода от колготы,
у непознанных ворот.

Всем, кто выжил

Зло бессмертно или нет?
Жизнь всегда для зла дилемма?
Вечен ли он, этот свет,
или тот, и в чём проблема?

Если выбор есть, то где,
или кто за нас решает?
Вилы пишут по воде,
сомневаться разрешая,
в миг прочтения письма,
всем, кто выжил из ума.

В необъятные дни осенние

Катит жизнь, как по жиже, трудно,
ощущение предпростудно.
Сердце бьётся, но бьётся пташкой,
словно спутано под рубашкой.

Никого кругом во спасение
в необъятные дни осенние,
будто необитаем остров.
Кто-то сердце рвёт клювом острым…

Время ангелам помолиться,
от молитвы светлеют лица,
и повозки по скользкой жиже
подплывают к судьбе поближе.
Ой, судьба, остуди мне ладошкой лоб,
погоди отправляться по миру.
Всё серьёзное – понарошку чтоб,
клоунадою, первым номером.

Ещё живой

Когда на видео узрел
себя, со стороны, то понял,
что безвозвратно постарел,
но, слава Господу, не помер.
А понял как, что был живой? —
Нимб не сиял над головой.

Голгофа

Предновогодних пожеланий вёрсты
уводят вдаль и скоро приведут
туда, где во Христе все братья, сёстры,
и где меня, заблудшего, не ждут.

Заметив, что мой взгляд голубоокий,
как у Христа, а я – не здешних мест,
повесят на меня свои пороки,
уверенные, что на мне их крест.

Вот, вот и завопят они: «Распять!»,
и палец вниз опустят, словно знать,
поскольку знаю корни этой знати:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.